

1. Imo see makse Sarmiseckade korrektsioonid pruulimisele.
2. Taber's Tyranzen. Ombroto gantsuutimiseks pruulimisele korrektsioonid.

ESTICA

A. 2564.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ БАЛТИЙСКАЯ КОРЧЕМНАЯ ПРИВИЛЕГИЯ.

Мы печатаемъ ниже отвѣтъ г. Булацеля защитникамъ прибалтійской корчмы. Отвѣтъ этотъ, благодаря г. Булацелю, въ настоящее время уже не открываетъ русской читающей публикѣ чего-нибудь новаго въ поднятомъ имъ вопросѣ, такъ какъ съ того времени появилось по этому вопросу подробное сообщеніе въ официальномъ изданіи министерства финансовъ, гдѣ цѣликомъ напечатана упоминавшаяся нами записка г. Минцлова. Впрочемъ, въ русской читающей публикѣ по вопросу о прибалтійской корчмѣ, кажется, нѣтъ болѣе разномыслія. Для нѣмецкой же публицистики Прибалтійскаго края записка г. Минцлова даетъ аргументы весьма убѣдительные, указывая на примѣръ Пруссіи и другихъ германскихъ земель, такъ какъ до присоединенія Прибалтійскаго края къ Россіи земское право развивалось въ этомъ краѣ на общей почвѣ съ прусскимъ Landrecht'омъ.

До освобожденія крестьянъ (1807 г.) въ Пруссіи существовала привилегія дворянскихъ земель на исключительное право содержать мельницы, винокурни, пивоварни и корчмы. Но черезъ три года по освобожденіи крестьянъ, именно въ 1810 г., всѣ эти привилегіи были отмѣнены безъ всякаго выкупа. Въ королевскомъ эдиктѣ, которымъ совершилась эта отмѣна, параграфъ I гласитъ: «исключительныя права: содержанія

мельницъ, винокуренія, пивоваренія и содержанія корчемъ, а равно принадлежащее владѣльцу мельницы, пивовареннаго или винокуреннаго завода или корчмы право заставлятъ другихъ пользоваться его мельницей или же покупать у него напитки, съ сего дня прекращается какъ въ городахъ, такъ и внѣ городскихъ поселеній, на какихъ бы основаніяхъ означенныя исключительныя права ни принадлежали ихъ владѣльцу». Впослѣдствіи это постановленіе было распространено и на другія области Сѣверо-Германскаго союза. По этому поводу г. Минцловъ въ своей запискѣ справедливо замѣчаетъ: «если бы пропинаціонное право считалось въ Пруссіи правомъ вещнымъ, какъ это пытались установить въ балтійскихъ губерніяхъ, то очевидно, что оно должно было подлежать выкупу одновременно со всѣми другими сервитутными и барщинными правами, или же оно должно было бы остаться въ силѣ; но право торговать питіями признавалось правомъ личнымъ, и поэтому такъ называемый *Brantweinzwang* (это и есть право пропинаціи) былъ отмѣненъ раньше, чѣмъ послѣдовалъ эдиктъ о надѣленіи крестьянъ землей» (что случилось въ слѣдующемъ 1811 г.).

Ближайшее изслѣдованіе происхожденія права пропинаціи въ прибалтійскихъ губерніяхъ открываетъ очень интересныя факты, показывающіе, изъ какихъ иногда темныхъ источниковъ возникаютъ важныя права и привилегіи. Оказывается, что въ Прибалтійскомъ краѣ никогда не было установлено чего-нибудь подобнаго праву пропинаціи. Право это явилось въ феодальное, а потомъ—послѣ присоединенія къ Россіи—въ крѣпост-

ное время, единственно какъ слѣдствіе безправія крестьянскаго населенія. Крестьяне были рабами и никакихъ правъ гражданскихъ не имѣли. De facto правами торговли и всякаго рода промысловъ внѣ городскихъ поселеній въ томъ числѣ и правомъ содержать корчмы, пользовались одни дворяне-помѣщики, но не потому, что бы это послѣднее право было кѣмъ-нибудь установлено или даровано (какъ жаловались дѣйствительныя привилегіи), а только потому, что дворяне-помѣщики не были ограничены въ своихъ гражданскихъ правахъ и, слѣдовательно, могли свободно осуществлять право устраивать и содержать корчмы для продажи вина. Когда послѣдовала отмѣна крѣпостнаго права въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ (1816—1819 гг.), въ лифляндское мѣстное положеніе включено было постановленіе о воспрещеніи питейной торговли на крестьянскихъ земляхъ. Въ положеніяхъ эстляндскомъ и курляндскомъ даже этого ограниченія гражданскихъ правъ освобождаемыхъ крестьянъ не включалось. Никакихъ другихъ отраженій прежняго феодально-крѣпостнаго порядка въ отношеніи виноторговли не было въ послѣдующемъ законодательствѣ. Никакихъ новыхъ законовъ по дѣлу виноторговли въ краѣ не издавалось. И тѣмъ не менѣе, когда былъ изданъ «Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ», т.-е. была произведена кодификація разновременно состоявшихся узаконеній (I и II т. въ 1845 г. и III т.—въ 1864 г.), то въ III т. этого свода оказались двѣ статьи, въ положительной формѣ устанавливающей право пропинаціи и притомъ въ качествѣ права вещнаго, и уже не для

одной Лифляндской губ., а для всего края. Это стг. 552 и 883, которыя гл҃ать:

Ст. 552: «Такъ-называемыя поземельныя права (realrechte), присвоенныя позе-

мельному участку и, по немъ, его владѣльцу въ качествѣ такового, а именно: право патронатства, охоты, содержаніе корчемъ и питейныхъ домовъ, винокуренія и т. п., признаются за существенныя и неотъемлемыя части того участка».

Ст. 883 (по прод. 1890 г.): «Особыя права, присвоаемыя собственнику дворянской вотчины независимо отъ его званія, суть: 1) право винокуренія, пивоваренія и продажи хлѣбнаго вина, пива и съѣстныхъ припасовъ, а также право заводить и содержать корчмы и шинки, согласно съ дѣйствующими о томъ постановленіями... Всѣ эти права, принадлежащія исключительно дворянскимъ вотчинамъ, не могутъ быть переносимы на продаваемыя изъ нихъ отдѣльныя участки, даже если бы покущикъ былъ дворянинъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда изъ такого участка будетъ учреждена новая дворянская вотчина.

Первоначально въ эти вновь установленныя при кодификаціи вотчинныя права включалась и привилегія содержанія мельницъ, о которой говорится въ статьѣ г. Булацеля и которая впоследствии была прямо признана кодификаціонной ошибкой, происшедшей «вслѣдствіе недоумѣнія», какъ объяснилъ въ своемъ заключеніи по этому дѣлу остзейскій комитетъ. Но не ясно ли, что и право пропинаціи, никогда не установленное закономъ, нвилось въ мѣстномъ «Сводѣ» тоже «вслѣдствіе недоумѣнія» и составляетъ кодификаціонную ошибку—не болѣе? Г. Минцловъ въ своей запискѣ по этому предмету высказывается очень нерѣшительно и даже какъ буд-

то отвергаетъ наличность «недоумѣнія» или кодификаціонной ошибки, ссылаясь на то, что «Сводъ» былъ представленъ на Высочайшее утвержденіе при докладѣ главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, и этотъ докладъ удостоился Высочайшаго утвержденія, вслѣдствіе чего сдѣлался, по мнѣнію г. Минцова, какъ бы самостоятельнымъ законодательнымъ актомъ, а въ докладѣ содержалась обычная общая фраза, что «статьи сего свода, заключающія въ себѣ необходимыя къ дѣйствующимъ законамъ дополненія, примѣняются къ тѣмъ дѣламъ, кои возникнутъ по обнаруженіи свода», почему г. Минцовъ полагаетъ, что приведенныя статьи «Свода» надо считать «необходимымъ къ дѣйствующимъ законамъ дополненіемъ». Но всѣ факты, приведенные въ его запискѣ, убѣдительно свидѣлствуютъ, что и право пропинаціи, установленное этими статьями, было такой же кодификаціонной ошибкой «вслѣдствіе недоумѣнія», какъ и исключительное право содержанія мельницъ.

Все, что мы знаемъ о прибалтійскихъ корчмахъ, приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что право пропинаціи въ Прибалтійскомъ краѣ есть не болѣе, какъ обломокъ крѣпостного права, потерявшій всякій *raison d'être* съ отмѣной этого права, но своевременно не устраненный, а потомъ введенный въ законъ помимо законодательной власти. *Nov. 36 № 8364. 12. 19.*

ОТВѢТЪ ЗАЩИТНИКАМЪ ПРИБАЛТІЙСКОЙ КОРЧМЫ.

Претензіи прибалтійскаго дворянства сдѣлались въ послѣднее время предметомъ оживленнаго обсужденія въ печати.

При этомъ почти всѣ русскія газеты не только не сочувствуютъ домогательствамъ прибалтійскаго рыцарства, но даже прямо называютъ прискорбнымъ явленіемъ, что это рыцарство, кичащееся своими традиціями, не постыдилось ходатайствовать о предоставленіи ему исключительнаго права производить торговлю спиртными напитками.

Однако балтійскіе помѣщики энергически давно уже хлопочать о вознагражденіи за отнимаемыя у нихъ мнимыя привилегіи. Съ характеромъ и приемами этихъ хлопотъ можно ознакомиться изъ коротенькой докладной записки, отпечатанной въ типографіи Эстляндскаго губернскаго правленія на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Dankschrift betreffend die Nothwendigkeit der Anpassung des Gesetzes über die Einführung des Kronsgetränkverkaufs im Gouvernement Estland an die hier bestehenden Sondergesetze».

Начавъ съ историческаго обзоренія развитія въ краѣ мѣстныхъ рыцарскихъ привилегій и упомянувъ даже вскользь о томъ, что во время «соединенія Эстляндскаго княжества съ Россією» (слово соединеніе употребляется, вѣроятно, вслѣдствіе опечатки вмѣсто слова «завоеванія») императоръ Петръ I-й 16-го августа 1710 г. торжественно объявлялъ не только не нарушать правъ мѣстнаго дворянства, но по возможности при случаѣ даже умножать привилегіи и вольности рыцарства (Полное

собр. зак. Рос. имп. № 2287), и затѣмъ, перечисливъ всѣ законодательные акты, коими дворянству Эстляндской губерніи предоставлялись какія-нибудь преимущества, — составители докладной записки приходятъ къ выводу, что введеніе въ Эстляндской губерніи винной казенной монополіи будетъ вошющею несправедливостію и что отнятіе безъ всякаго вознагражденія у владѣльцевъ рыцарскихъ имѣній, исключительно имъ принадлежавшаго права продажи спиртныхъ напитковъ, «будетъ равносильно отнятію у собственниковъ части самой недвижимости или отобранію построекъ, полей и проч.». Поэтому въ концѣ этой докладной записки говорится, что губернский предводитель дворянства «считаетъ своею обязанностію охранять исключительное право владѣльцевъ дворянскихъ имѣній на продажу спиртныхъ напитковъ, на основаніи всего изложеннаго, просить, дабы повелѣно было:

I. Въ уѣздахъ Эстляндской губ. не вводить совсѣмъ казенной продажи вина, а вмѣсто нея «den Detailbrantweinsverkaufsbeverksstelliger» въ тѣхъ корчмахъ, росписи которыхъ утверждены постановленіемъ Эстляндскаго губернскаго дворянскаго собранія, т.-е. ландтага въ 1809 году.

II. Отдать продажу вина въ этихъ корчмахъ на комисію.

III. Во всѣхъ корчмахъ, въ которыхъ будетъ производиться комисіонная продажа водки, разрѣшить также продажу пива и другихъ крѣпкихъ напитковъ.

IV. Предоставить на вышеизложенныхъ условіяхъ право пользованія корчмами «только владѣльцамъ рыцарскихъ имѣній».

V. Въ случаѣ, если не будетъ признано возможнымъ даровать концесію, упомянутую въ п. IV, оставить по крайней мѣрѣ въ неприкосновенности право владѣльцевъ дворянскихъ имѣній продавать въ ихъ корчмахъ ниво и прочіе напитки.

Регламентация казенной продажи вина, вошедшая даже въ 1649 г. въ уложение царя Алексѣя Михайловича, составляетъ неоспоримое право русскаго государства, а вотъ балтійское дворянство и его юрисконсульты думаютъ, что введеніе казенной продажи вина въ Эстляндіи будетъ равносильно незаконному отнятію у помѣщиковъ части ихъ полей и построекъ (!).

Что же касается до нѣмецкой печати, то она поголовно вступилась за корчемную привилегію дворянскихъ имѣній. На-дняхъ въ мѣстныхъ газетахъ появилось письмо нѣкоего «старога сельскаго хозяина», увѣряющаго, что хотя онъ не принадлежитъ «къ прибалтійскимъ баронамъ «Новаго Времени», однако видитъ себя вынужденнымъ высказать въ печати, во-первыхъ, радость по поводу того, что созданная министеромъ финансовъ коммиссія юристовъ (отвергнувшая претензіи прибалтійскихъ помѣщиковъ), не имѣетъ рѣшающаго значенія, и, во-вторыхъ, надежду, что прибалтійскіе помѣщики сумѣютъ отстоять свои законныя права, несмотря на то, что благодаря юристамъ, которыхъ народъ по справедливости называетъ «крючкотворами», всякій въ Прибалтійскомъ краѣ долженъ чувствовать подъ собою колебаніе основъ». Вотъ до какой нелѣпости договорились нѣмецкія газеты: закрытіе корчмы и отказъ казны вознаграждать помѣщиковъ за отпадающіе барыши, связанные съ правомъ спаивать народъ, по ихъ мнѣнію, «колеблютъ правовыя основы»! Далѣе нѣмецкія газеты силятся увѣрить, будто въ сохраненіи проиннаціоннаго права заинтересовано вовсе не дворянство, а всѣ тѣ, кому дороги успѣхи «прибалтійскаго сельскаго хозяйства, самаго рациональнаго (?) и блестящаго (!) во всемъ русскомъ государствѣ». Грустно, однако, если успѣхи крупнаго сельскаго хозяйства на нашей прибалтійской окраинѣ были дѣйствительно основаны исключительно на

выгодномъ кабацкомъ промыслѣ! Кажется, защитники корчемной привилегіи сами скоро вынуждены будутъ сознаться, что они немножко пересолили, увѣряя, будто упраздненіе корчемъ нанесетъ неизгладимый ущербъ блестящему состоянію сельскаго хозяйства въ Прибалтійскомъ краѣ. Нѣмецкая печать и въ вопросѣ о корчмахъ не удержалась отъ своего обычнаго приѣма восхвалять въ Прибалтійскомъ краѣ даже то, что достойно лишь порицанія. Ибо если, дѣйствительно, успѣхи крупнаго сельскаго хозяйства, обставленнаго здѣсь всевозможными преимуществами, и достигли блестящихъ результатовъ, то, съ другой стороны, развѣ только ослѣвленные самообожаніемъ средневѣковые рыцари могли не замѣчать всей нераціональности корчемной привилегіи и другихъ обветшалыхъ остатковъ старины. А между тѣмъ въ исторіи прибалтійской окраины имѣется весьма характерный примѣръ упраздненія несправедливой и вредной привилегіи. Пресловутая статья 883, части III св. м. уз. губ. Приб., въ изданіи 1864 года, гласила, что «особыя права, присвоиваемыя «собственнику дворянской вотчины, независимо его званія, суть право винокуренія, пивоваренія, продажи хлѣбнаго вина, пива, съѣстныхъ припасовъ, а также право заводить и содержать мельницы, корчмы и шинки, согласно съ существующими о томъ постановленіями». Въ новомъ же изданіи третьяго тома, въ статьѣ 883, нѣтъ уже упоминанія о мельницахъ, какъ о привилегіи дворянскихъ имѣній, потому что Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Комитета министровъ отъ 26-го февраля 1871 г., слово «мельницы» было исключено изъ текста 883 статьи, чтобы согласовать эту статью съ измѣнившимися потребностями времени, такъ какъ со времени предоставленія крестьянамъ пра-

ва приобретать земельную собственность, стала очевидна необходимость предоставленія имъ такъ же права устраивать и содержать мельницы на своихъ участкахъ. Это право было за ними признано въ 1856 году, въ статьѣ 203 положенія о крестьянахъ Эстляндской губерніи, и, однако, постановленіе 883 статьи тома III св. м. уз. о привилегированныхъ мельницахъ продолжало еще существовать послѣ этого дѣлныхъ пятнадцать лѣтъ, вплоть до 1871 г., какъ явный анахронизмъ. За утрату исключительнаго права содержать мельницы, прибалтійскіе помѣщики не получили никакого вознагражденія и устарѣлая привилегія, вычеркнутая однимъ почеркомъ пера, отошла въ область преданій ко благу и радости всего мелкопомѣстнаго сельскаго хозяйства Прибалтійскаго края. Этотъ прецедентъ долженъ бы открыть глаза тѣмъ защитникамъ корчемной привилегіи, которые, ссылаясь на универсалы Петра Великаго и на мѣсто, занимаемое статьею 883 въ третьемъ раздѣлѣ второй книги тома третьяго св. м. уз., озаглавленномъ: «о собственности», позволяютъ себѣ утверждать, будто корчемная привилегія есть «вещное право», касаться котораго не смѣетъ государственная власть. Господа эти совѣмъ упускаютъ изъ виду, что съ введеніемъ казенной монополіи право торговать крѣпкими наитками дѣлается исключительнымъ достояніемъ казны во всемъ государствѣ, независимо отъ того, будетъ ли казенная лавка стоять на рыцарской, мѣщанской или крестьянской землѣ. Интересы государственные давно уже требуютъ, чтобы корчемная привилегія отошла въ область печальныхъ преданій старины, какъ и мельничная привилегія, и чѣмъ скорѣе настанетъ день закрытія всѣхъ рыцарскихъ корчемъ, тѣмъ лучше,

ибо прибалтійская корчма, глубоко подгачивая благосостояніе и спокойствіе всего крестьянскаго населенія края, представляеть изъ себя такую язву, залечить которую уже давно настало время.

Нов. Рр. № 8364. 12 VI 849.

Павелъ Булацель.